

18. Бандура О. О. Філософія права доби постмодерну: людина та її права / О. О. Бандура // Проблеми філософії права. Міжнародний часопис. – 2005. – Т. 3 – С. 250-255.
19. Братасюк В. М. Інтелектуальна традиція постмодерну та проблеми реформування правової системи сучасної України / В. М. Братасюк // Проблеми філософії права. Міжнародний часопис. – 2004. – Том II. – С. 156-162.

В данной статье сосредоточено внимание на значении нормативной юриспруденции в англо-американской правовой системе. Дан анализ основным тенденциям современной западной нормативной юриспруденции. Исследована проблема соотношения универсализма и культурного релятивизма как общеметодологических подходов.

This article focuses attention on meaning of normative jurisprudence in English-American law system. The basic tendencies of modern western normative jurisprudence are analysed. The problem of correlation of universalism and cultural relativism as general methodological approaches is investigated.

Стаття надійшла до редколегії 11.04.2014

УДК 327.5

Белова О. В., ОНУ ім. І. І. Мечникова

РЕАЛИЗМ, НЕОРЕАЛИЗМ И ПОСТКЛАССИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ

В статье приводится анализ основных категорий классического реализма и их эволюции в последующих ответвлениях этого направления – неореализме и постклассическом реализме. Основная задача данной статьи состоит в том, чтобы сравнить основные категории и допущения, из которых исходят представители классического реализма и его главных наследников – неореализма и постклассического реализма.

Сегодня та плеяда ученых, которые считают себя реалистами и разделяют основные принципы классического реализма, но с определенными дополнениями, только растет. Направление, таким образом, находится в процессе постоянного развития, поэтому дискуссия внутри реалистской парадигмы представляет научный интерес.

Школа реализма является одной из двух самых влиятельных школ в теории международных отношений [1, р. 22]. Основная задача

данной статьи состоит в том, чтобы сравнить основные категории и допущения, из которых исходят представители классического реализма и его главных наследников – неореализма и постклассического реализма

Центральным допущением, на котором основан классический реализм, является положение об анархическом характере международных отношений – отсутствие верховной власти над государствами. В качестве основных понятий, которыми оперирует классический реализм, следует выделить основную «триаду Моргентау»: мощь (power), баланс сил (balance of power) и национальный интерес (national interest).

Мощь является «центральной идеей политики как отдельной сферы деятельности – ее природа, ее наращивание и применение» [2]. Понимание этой концепции очень важно, поскольку именно наращивание мощи по реализму является целью государства и причиной его действий. Все официальные цели государства, идеологии и принципы либо маскируют основную цель, либо легитимизируют её, но всегда – подчинены ей. Любой политический акт направлен на сохранение, увеличение и/или демонстрацию мощи. Этим поведенческим принципам соответствует стратегия сохранения status quo, империализм и работа на престиж. Цель первой модели – сохранение баланса мощи, второй – приобретение большей мощи, третьей – её демонстрация для сохранения или расширения [3, р. 258].

Классический реализм не дает четкого определения мощи. Вторичное по отношению к мощи понятие – соотношение мощи государств – определяется по Моргентау материальными (география, природные ресурсы, военная готовность, население) и нематериальными (национальный характер, мораль нации, качество дипломатии и правительства) факторами. В одной из своих работ Моргентау даже определяет мощь как «контроль над умами и действиями других людей» [4, р. 201].

Приобретение мощи вызвано природным стремлением человека к самосохранению; по достижении необходимого для выживания количества власти человек (государства) наращивает власть, чтобы улучшить свое положение. Соотношение мощи между государствами можно изменить только при помощи превосходящей мощи. Борьба за мощь между участниками международных отношений является неустрашимым источником конфликта.

На понятии мощи основываются следующие концепции классического реализма – баланс сил, национальный интерес, дилемма безопасности.

Суть дилеммы безопасности состоит в том, что большинство действий, которые страна предпринимает для увеличения своей безопасности, уменьшают безопасность других государств, поскольку те теряют относительную мощь. В мире игры с нулевой суммой государству тяжело улучшить свое положение, не составив угрозы другим государствам.

Термин «баланс сил» в рамках классического реализма употребляется для определения различных понятий, в зависимости от контекста. Так, он может относиться к равновесию сил на международной арене («европейский концерт» XIX в.). С другой стороны, политикой равновесия сил может так же называться политика, направленная на сохранения собственного преобладания на международной арене (доктрина Монро в США). Баланс сил в обоих случаях есть результат борьбы за мощь, столкновения между государствами, стремящимися расширить свои возможности, и теми, кому выгоднее сохранить status quo [3, p.259].

Основным объектом изучения и главными акторами международных отношений реализм считает государства; из них влияющими на международные отношения – только великие державы. Характер отношений между государствами считается неизменным, так как вытекает из неизменности человеческой природы.

Несмотря на то, что классический реализм составил основу для всех более поздних направлений реализма, в силу своей эклектичности он не может быть предложен в качестве оптимального метода анализа. В рамках классического реализма уживается политический прагматизм с одной стороны и стремление нарисовать общий идейный замысел внешней политики – с другой. Не был в нем дан ответ на то, влияют ли моральные ограничения на внешнюю политику. Ни одно из основных понятий классического реализма не имеет точного определения.

Основное противоречие классического реализма в том, что он считает объектом исследования. С одной стороны, актором международных отношений считается государство, с другой – есть и анализ на уровне личности (опора в допущениях на свойства человеческой натуры).

Отметим, также, что реализм, скажем, Моргентау – лишь частично подход к изучению международных отношений; частично же – морально-этическое руководство для исследователей.

Прогрессивность концепции реализма с одной стороны, и множество его недостатков как подхода – с другой, привели к тому, что многие пытались усовершенствовать реализм, сделать из него более

совершенный инструмент. Самым успешным из реформаторов стал Кеннет Уолц, который в своих работах сформулировал принципы неореалистского подхода.

Неореалистский подход основан на тех же базовых принципах, что и реализм классический, [5, р. 616] однако ряд ключевых понятий приобрел в нем другую окраску.

В картине мира по неореализму мощь остается ключевой концепцией, но её роль смещается. Если Моргентау видит мощь как самостоятельную и единственную цель государства, то Кеннет Уолц определяет мощь как «потенциально полезное средство» [5, р. 616]. Из этого вытекает, что как недостаток мощи, так и её переизбыток теоретически может представлять угрозу для государства. Соответственно, в картине мира неореалистов мощь в какой-то степени теряет свое сакральное значение, зато – приобретает более четкие черты.

Само понятие мощи получает в работах неореалистов большую детализацию: мощь в их глазах базируется на материальных возможностях, которые контролирует государство. Появляется также дополнительное понятие – латентная мощь государства, которую составляют социо-экономические факторы, влияющие на развитие военной силы. Латентная мощь основывается на богатстве страны и численности населения. Великим державам, чтобы вести войну, нужны деньги, технологии и персонал; латентная мощь – это то сырье, тот потенциал, который страна может задействовать при борьбе с соперниками. Не следует, однако, забывать, что в конечном итоге под мощью государства все равно подразумеваются военные возможности.

Таким образом, роль военных технологий и стратегии среди факторов, определяющих силу и потенциал государств, у неореалистов остается центральной, однако добавляются дополнительные инструменты ее обретения – увеличение численности населения и повышение своей доли в общемировом хозяйстве. И все равно – в качестве реакции на давление международной анархии государство будет наращивать именно военную мощь и оружие нападения [6, р. 221]. С другой стороны, из неореалистской концепции выпадают такие аспекты мощи, как «влияние на умы и сердца которые еще упоминаются у Моргентау.

По отношению к использованию мощи существует два основных течения в рамках неореализма – защитный реализм (defensive realism) Кеннета Уолца и агрессивный реализм (offensive realism) Джона Миршаймера. Агрессивный реализм предполагает, что наращивание мощи выгодно всегда [7, р. 78], и рациональное государство всегда будет это делать. Максимально возможная мощь, а лучше такое ее

количество, которое обеспечивает гегемонию – необходимо не само по себе, а как лучшая гарантия выживания государства [7, р. 78]. Позиция Уолца (defensive realism) в том, что государство соотносит риски, связанные с возможным увеличением мощи, и потенциальные выгоды, после чего делает выбор; это связано с тем, что резкое увеличение мощи может не привести к гегемонии, а вызвать негативную и разрушительную для государства реакцию системы, поскольку наращивание мощи рискованно для государства, рациональный актор международных отношений пойдет на него только в случае, если конфликт вероятен; если же вероятность оценивается как низкая, государство не будет провоцировать потенциального соперника. Это означает, что, согласно защитному реализму, государство реагирует не на существование дилеммы безопасности, т.е. возможность конфликта (которая существует всегда), а на его вероятность (на интенсивность дилеммы безопасности) [6, р. 224].

Центральной категорией у неореалистов является не мощь, а безопасность и стремление к ней, которая, по Уолцу, является конечной целью государства. Для достижения своей безопасности ревизионистские государства (revisionist states) наращивают мощь [7, р. 80], государства-status quo (status quo states) – хранят ее соотношение [7, р. 80]. Источник выбора между этими опциями, в рамках теории неореализма, следует искать не во внутренних свойствах и характеристиках государства, но в сложившейся на международной арене обстановке.

В своей основе концепция дилеммы безопасности сохраняется в неореализме практически неизменной – количество безопасности на мировой арене конечно, и, как правило, увеличение безопасности одного актора приводит к ее уменьшению для другого [5, р. 620]. Однако превращение power из цели государства в инструмент, появление новой категории безопасности – не могло не сказаться на анализе поведения государства в условиях дилеммы безопасности. Частично этот вопрос уже был затронут выше.

Следует отдельно отметить, что неореализм во всех его проявлениях относительно мало учитывает экономическую стоимость наращивания военных сил, поскольку достижение военной цели всегда является первым приоритетом, с экономическими затратами на которое необходимо смириться [8, р. 450]. Даже в рамках защитного неореализма, если наращивание военных возможностей не вызывает гонку вооружений, предполагается, что государство на него пойдет [8, р. 446].

Главное отличие в методе неореализма от реализма Моргентау – влияние условий, сложившихся на международной арене, на действия акторов международных отношений государств и лидеров государств.

Неореалистский подход предполагает, что для изучения международной политики необходимо добавить третий уровень анализа – уровень международной системы. По Уолцу, причины изменений в системе международных отношений (e.g. изменения числа великих держав) лишь частично лежат в поведении государств [5, p. 618]; часть причин находится на уровне структуры. Из этого следует, что анализ исключительно на уровне государств обязательно приведет к неверным результатам. И наоборот, подход, который объединяет в себе анализ на уровне государств и анализ на уровне системы, будет экспликативен как для изменений, так и для воспроизводящихся тенденций мировой политики.

Государства являются основными элементами системы, которую изучает неореализм; выбор действий для элементов системы ограничивается динамикой этой системы. Характер внешних сил, ограничивающих государства, дает возможность предсказать их шаги, а также последствия их шагов. Одновременно, неореалисты сознательно абстрагируются от личностного уровня анализа (влияние личности, политических лидеров на международные процессы). Формально признавая значение этого уровня анализа, неореализм ограничивает ряд факторов, которые изучает. В одной из своих программных работ, статье «The Origins of War in Neorealist Theory» Уолц пишет, что, хотя в реальной жизни все факторы взаимосвязаны, любой теоретический подход изолирует одну область от других, чтобы стало возможным её интеллектуальное осмысление [9, p. 22].

Структурные реалисты также игнорируют культурные различия между государствами, различия между режимами, поскольку международная система создает одни и те же стимулы и ограничения для всех великих держав; режим мало влияет в представлении структурных реалистов на поведение государства по отношению к другим государствам. Также в рамках этого направления анализа становится неважным, кто осуществляет внешнюю политику государства. Государство рассматривается как черный ящик, который характеризуется только количеством мощи [7, p. 78].

Классики реализма полагали, что политическая сфера не может рассматриваться отдельно от других сфер общественной жизни. Так, Арон полагал, что на международную жизнь влияет бесчисленное количество факторов, и нельзя провести различия даже между внутренними

и внешними из них [10, р. 210]. Неореализм за счет выделения политики в автономную область смог создать то, чему стремился реализм – рабочую теорию, позволяющую анализировать международную систему в целом. Только в рамках неореализма реалистское направление мысли доросло до формирования системного подхода.

Таким образом, в основе изучения международных отношений для неореалистов лежит структура. Концепция структуры основана на предполагаемом факте, что одни и те же элементы государства, состоящие в разных союзах, «скомбинированные в различных сочетаниях» [9, р. 29] взаимодействуют по разному, и это взаимодействие приводит к различным результатам. Любая международная структура характеризуется анархией в качестве управляющего принципа (*ordering principle*), и распределением сил и возможностей между ее элементами (государствами). В качестве одной из главных характеристик распределения сил в системе Уолц предлагает взять количество великих держав. Великие державы отличаются от остальных элементов системы значительно большим количеством мощи, которым они располагают [9, р. 30].

Неореализм, как теория, только в очень общем виде объясняет поведение государства в условиях дилеммы безопасности. По мнению многих, для описания и объяснения поведения государства, которое преследует свои интересы, необходимы дополнительные допущения [8, р. 446]. В свою очередь Уолц в своих последующих статьях не раз высказывался против расширения факторов, которые берет в расчет неореализм, аргументируя это тем, что чрезмерное расширение сферы приложения теории разрушает эту теорию, её целостность, делает анализ с её помощью невозможным. По причине такой статичности неореализма Стивен Брукс предложил выделить накопившуюся «надстройку» неореализма в отдельный теоретический подход – постклассический реализм. В своей программной статье Брукс выделил основные отличия постклассического реализма от неореализма, сформулировал его основные принципы.

Постклассический реализм использует в качестве «фундамента» защитный реализм Уолца. Так он подразумевает, что государство реагирует не на возможность, а на вероятность конфликта в ситуации дилеммы безопасности. Оба подхода разделяют системность, государствоцентричность и принцип эгоизма государств, принцип неотъемлемой конкуренции в международной среде, опору в анализе на материальные, а не идеологические или институциональные факторы и т.д. [8, р. 446] Постклассический реализм идет на шаг дальше, чем реализм, в расшифровке категории мощи. А именно – добавляет

экономический фактор как равноправную составляющую мощи, наравне с военной составляющей. мощи [6, р. 224].

Дилемма безопасности остается ключевой концепцией и в постклассическом реализме; однако в условиях дилеммы безопасности допускаются другие предположения о возможном поведении государств, нежели в реализме и неореализме [6, р. 225] Исходя из нового понимания мощи классический реализм может значительно детализировать поведение государства в ситуациях, когда необходимо определить, принесет ли наращивание военной силы пользу или вред; расставить приоритеты между краткосрочными и долгосрочными планами.

Первое следствие из эволюции категории мощи в постклассическом реализме – расширенное понимание балансирующего поведения акторов международных отношений. Из того, что постклассический реализм рассматривает экономические возможности государства не как фактор создания мощи, но как ее составляющую часть, логически вытекает, что экономический рычаг, точно так же, как применение и угроза военной силы, используется государством для обеспечения своих целей [8, р. 455]. В таком случае справедлива и обратная связь – при определении соотношения сил (балансировании сил) между государствами учитываются не только военные возможности, но и экономические. В таком случае вероятность конфликтов между государствами может значительно колебаться в зависимости от экономических показателей, даже если распределение между ними военных возможностей меняется мало [6, р. 228].

В конечном итоге учет экономической составляющей при балансировании приводит к тому, дилемма безопасности зачастую воспринимается менее интенсивной, чем это предполагает неореализм [8, р. 458]. Как уже отмечалось выше, когда риски для военной безопасности велики, рациональный актор в значительной мере жертвует своими будущим ради обеспечения собственного выживания прямо сейчас. Однако с появлением в анализе экономической составляющей мощи, можно предположить, что в случаях, когда военная угроза не очень высока – экономика также идет в расчет. Соответственно, в картине мира постклассического реализма все чаще долгосрочные цели государства (как правило, таковые тесно связаны с экономическими перспективами) не подчинены требованиям немедленного обеспечения военной готовности (безопасности) [8, р. 458].

Выводы: Таким образом, следует отметить, что трансформация основных категорий реализма идет в двух направлениях – в сторону повышения общей системности, и в сторону детализации факторов, на которых опирается анализ.

Так, еволюція категорій класического реалізму в неореалізмі дозволила учесть в реалістському аналізі многи фактори, котріє изначально учитывал либерализм, например, економічну составляющую. С другой стороны, увеличение числа факторов, влияющее на поведение государства в постклассическом реализме, несколько противоречит принципу системности, изложенным у Уолца. Таким образом, текущая дискуссия в рамках реализма в обозримые сроки может породить новые, нереалистские подходы.

Бібліографічний список

1. Стапран Н. В. Роль Японии и Австралии в реализации американской стратегии безопасности в АТР: 1945-2004 гг. : дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук : спец. 07.00.03 «Всеобщая история (новая и новейшая)»/ Стапран Наталья Валерьевна ; М. гос. ин-т международных отношений (Ун-т) МИД РФ. – М., 2004. – 170 с.
2. Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace / H. Morgenthau. – N. Y : Alfred A. Knopf, 1978. – 550 p.
3. Pham J. P. What is the National Interest? Hans Morgenthau's Realist Vision and American Foreign Policy / J. P. Pham // American Foreign Policy Interests. – 2008. – № 30. – P. 256-265.
4. Crabb C.V.Jr. Hans J. Morgenthau's version of realpolitik // Cecil V. Jr. Crabb, June Savoy // The political Science Reviewer. – 1975. – Vol. 5. – № 1. – P. 189-228.
5. Waltz Kenneth. The Origins of War in Neorealist Theory // Kenneth Waltz // Journal of Interdisciplinary History. – 1988. – Vol. 18. – № 4. – P. 615-628.
6. Kawasaki Tsuyoshi. Postclassical realism and Japanese Security Policy / Tsuyoshi Kawasaki // The Pacific Review – 2001. – Vol. 14. – № 2. – P. 221-240.
7. Mearsheimer J. Structural Realism / J. Mearsheimer // International Relations Theories: Discipline and Diversity. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – P. 77-93.
8. Brooks S. G. Duelling Realisms (Realism in International Relations) / Stephen G. Brooks // International Organisation. – 1997. – Vol. 51, No. 3. – P. 445-477.
9. Waltz K. Realist Thought and Neorealist Theory / Kenneth Waltz // Journal of International Affairs. – 1990. – Vol. 44. – № 1. – P. 21-37.
10. Aron Raymond. What is a Theory of International Relations? / Raymond Aron // What is a Theory of International Relations? – 1967. – Vol. 21. – № 2. – P. 185-206.

У статті наводиться аналіз основних категорій класичного реалізму та їх еволюції в наступних відгалуженнях цього напрямку – неореалізмі і посткласичному реалізмі. Основне завдання даної статті полягає в тому, щоб

порівняти основні категорії і допущення, з яких виходять представники класичного реалізму і його головних спадкоємців – неореалізму і посткласичного реалізму.

The article presents the analysis of the main categories of classical realism and their evolution in latter developed branches of the approach – neorealism and postclassical realism. This article's main objective is to compare the main categories and assumptions made by representatives of classical realism and its main heirs' – neorealism and postclassical realism.

Стаття надійшла до редколегії 03.04.2014

УДК 342.553.001.32

Кормич А. І., НУ «ОЮА»

МІСЦЕВЕ САМОВРЯДУВАННЯ В СТРУКТУРІ МІСЬКОЇ ПРАВОВОЇ СИСТЕМИ: ГЕНЕЗИС КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ВИЗНАЧЕННЯ

У статті аналізуються основні концепції місцевого самоврядування, що розроблялись протягом XVIII-XX століть. Визначені природа та сутність місцевого самоврядування. Розглянуті місце та роль самоврядування як елементу міської правової системи.

Місцеве самоврядування виступає невід'ємною складовою як нормативної, так і інституційної підсистем міської правової системи. Тому дослідження цих проблем дозволяє аналізувати напрямки та зміст вдосконалення і підвищення ефективності всієї міської правової системи. Одним з важливих аспектів даної проблематики є становлення теоретичних засад місцевого самоврядування, що знайшло відображення у формуванні цілого ряду концепцій самоврядування у різні історичні часи. Але за всіх умов такі концепції були пошуком відповіді на складні питання суспільного життя, намаганням пояснити причини колізій між центральним урядом і місцевими органами влади, обґрунтувати необхідність зміцнення самоврядування, з'ясувати, чи реалізують носії місцевого самоврядування відмінну від державної владу, або лише виконують окремі державні функції.

Потреба у чітких відповідях на такі питання залишається і сьогодні, коли Україна переживає бум парадів суверенітетів, що здатні руйнувати державність. Необхідність знайти оптимальну модель правового і інституційного механізму співпраці центру і регіонів,